МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Понятие личного закона юридического лица (*lex societatis*) и критерии его определения

Манукян М. А.[*]

Традиционно в теории и практике международного частного права перечисляются следующие субъекты: физические лица, юридические лица, государства и международные межправительственные организации. Безусловно, государства и международные межправительственные организации в первую очередь являются субъектами международного публичного права, однако в международном частном праве их правосубъектность сводится к равноправию с частными лицами наряду с физическими и юридическими лицами. Государства могут быть субъектами международного частного права только в том случае, когда вступают в частные правовые отношения с иностранными физическими и юридическими лицами. Что касается правосубъектности международных межправительственных организаций в международном частном праве, то здесь они выступают в качестве национальных юридических лиц. Так, например, главные офисы Организации Объединенных Наций (ООН) являются юридическими лицами США и Швейцарии, так как они учреждены соответственно в штате Нью-Йорк и в кантоне Женева.

Одним из основных вопросов, касающихся любого субъекта международного частного права, является определение личного закона субъекта. В данной статье на основе внутридисциплинарного анализа мы попытаемся раскрыть понятия, используемые в рамках международного частного права, которые устанавливают определенную связь

[*] Манукян Мушег Аветикович – аспирант кафедры гражданского права и процесса Российского государственного социального университета.

юридического лица с государством. Что касается неюридических лиц, например филиалов и представительств, отметим, что обычно определение их правового статуса производится по личному закону юридического лица, создавшего такие филиалы и представительства. Исключением из названного правила является швейцарское право, где установлено, что компания, которая имеет свой зарегистрированный офис за границей, может иметь филиал на территории Швейцарии, который подчиняется швейцарскому праву[1]. Более того, применимое право, определяющее его представительские полномочия, – это швейцарское право[2].

Определение личного закона имеет существенное значение для хозяйственной жизни любого юридического лица. По личному закону, во-первых, определяется вопрос о том, является ли данное учреждение юридическим лицом или нет. В законодательстве и практике государств устанавливается разный объем вопросов, определяемых личным законом юридического лица. Но в международном частном праве в этой связи существуют определенные принципы. Так, обычно признается, что личным законом юридического лица определяются его учреждение, ликвидация, объем прав и обязанностей, организационно-правовая форма, внутрикорпоративные отношения, в том числе взаимоотношения с акционерами и т.д. Что касается правоотношений юридического лица с третьими лицами, то здесь обычно *lex societatis* не применяется, а каждому вопросу соответствует конкретное применимое право. Так, например, если местное юридическое лицо заключает договор купли-продажи с иностранной компанией, то *lex societatis* представляется нерелевантным для договора купли-продажи, а применяются другие коллизионные привязки, такие как *lex voluntaris, lex contractus, lex venditoris, proper law* и т.д. Он может применяться только по поводу косвенных вопросов, касающихся договора, таких как способность компании заключать договоры, объем ее правосубъектности и т.д.

В научной литературе по международному частному праву наряду с термином «личный закон» используются также другие термины: «личный статут», «государственная принадлежность», «национальность»,

---

[1] Article 159. Loi fédérale sur le droit international privé (LDIP) du 18 décembre 1987. L'Assemblée fédérale de la Confédération suisse.

[2] Article 160 (2). Loi fédérale sur le droit international privé (LDIP) du 18 décembre 1987. L'Assemblée fédérale de la Confédération suisse.

«домициль» и «резиденция». Мы попытаемся раскрыть правовую природу этих понятий и определить их юридическое содержание в трех ракурсах – международного частного, национального и международного публичного права.

Современное понимание термина «личный статут» юридического лица исходит из немецкого права. В немецком праве существует понятие *Gesellschafisstatu»,* что значит корпоративный статут (*corporate statute*), обозначающий личный закон юридического лица[3]. Л.А. Лунц в своем труде 1970 года пишет о личном статуте юридического лица, поясняя, что все вопросы статуса юридического лица: является ли оно юридическим лицом, объем его правосубъектности, создание и ликвидация – в принципе подчиняются одному и тому же законодательству, имеют общий личный статут[4]. Л.А. Лунц, таким образом, отождествляет понятия «государственная принадлежность» и «национальность» юридического лица и, напротив, понятие «личный статут юридического лица» и «государственная принадлежность» («национальность») отграничивает друг от друга. Л.А. Лунц пояснял это в духе того времени: «современными условиями капитализма, когда одна компания зарегистрирована в одной стране, имеет административный центр (правление) в другой стране, занимается промышленной деятельностью в третьей стране, а ее акционерами являются лица самого различного гражданства»[5], а также применением теории контроля[6]. Далее, у Л.А. Лунца понятия «национальности» юридического лица и *lex societatis* отождествляются. Если приводится такая аргументация по поводу разграничения понятий «национальность» и «личный статут юридического лица», с одной стороны, и отождествления понятий «национальность» и *lex societati* – с другой, то, следовательно, вывод состоит в том, что нет никакого терминологического различия между терминами «национальность» и «личный статут» юридического лица, так как *lex societatis* в переводе с латыни означает личный закон, или статут юридического лица. Итак, у Л.А. Лунца грани международного частного и публичного права при определении личного закона юридического лица стираются.

---

[3] Hirt H.C. Freedom of establishment, International Company Law and Comparison of European Company Law Systems after the ECJ's decision Inspire Art Ltd // European Business Law Review. London, 2004. Vol. 15, Issue 5. P. 1194.

[4] Лунц Л.А. Международное частное право. М., 1970. С. 183.

[5] Там же. С. 183–184.

[6] Там же. С. 186.

Характерно, что в труде Л.А. Лунца 1984 года аргументация отграничения понятий «личный статут» и «национальность» юридического лица с точки зрения «современных условий капитализма» и теории контроля не приводится. Тем не менее Л.А. Лунц все же подчеркивает, что категория национальности используется прежде всего для разграничения собственных и чужих юридических лиц и решения иной группы правовых вопросов: исходя из национальности юридического лица определяются условия допуска к хозяйственной деятельности на территории данного государства, режим налогообложения и совершения валютных операций, порядок выдачи лицензий на совершение внешнеторговых сделок, в чем национальные юридические лица пользуются рядом преимуществ[7]. Это во-первых. Во-вторых, если для определения личного статута юридического лица жизненно важна конкретизация права определенной страны, то для национальной принадлежности юридического лица по общему правилу достаточно решения более общего вопроса, а именно: является данное юридическое лицо национальным или иностранным[8]. Специально отметим, что здесь тоже дух тождественного понимания категории национальности в международном частном и публичном праве сохранился.

Действительно, отграничение национальных и иностранных юридических лиц на основе описанного метода представляется вопросом особой важности, так как по причине наличия такого иностранного элемента применяется международное частное право. На наш взгляд, к таким вопросам, как допуск к определенной хозяйственной деятельности, выдача лицензии, налогообложение и прочие, никоим образом не применяют концепцию «национальности» юридического лица в том объеме, как международное частное право. Такие вопросы регулируются национальным и международным публичным правом. Так, например, компания, учрежденная в Германии, но имеющая свой административный центр в России, в Германии будет являться национальной компанией для целей выдачи лицензии, допуска к хозяйственной деятельности и дипломатической защиты, а с точки зрения немецкого международного частного права ее личным законом будет российское право. В этом случае в Германии по отношению к такой компании релевантными не будут вопросы предоставления национального режима, режима наибольшего благоприятствования, преференциального

---

[7] Лунц Л.А. Международное частное право. М., 1984. С. 91.

[8] Там же. С. 91.

режима или другого режима, предоставляемого иностранным компаниям. С другой стороны, в отношении компании, учрежденной в России, но имеющей свой административный центр в Германии, будет рассматриваться вопрос о предоставлении соответствующих режимов, хотя в рамках немецкого международного частного права ее личным законом является немецкое право.

В этой связи М.М. Богуславский замечает: «Закон какой страны будет рассматриваться в качестве личного закона, определяется так называемой национальностью юридического лица»[9]. Следовательно, у М.М. Богуславского критерием определения личного закона юридического лица является национальность. Он утверждает, что в международной практике наряду с определением личного закона юридического лица государственную принадлежность юридического лица (национальность) необходимо установить для того, чтобы знать, какое государство может оказывать ему дипломатическую защиту. Далее приводятся критерии определения национальности юридического лица, а именно критерии инкорпорации, местонахождения и места деятельности, а также теории контроля[10]. Данную проблему нужно рассматривать с той точки зрения, что для определения «национальности» юридического лица для целей международного публичного права, в том числе для предоставления дипломатической защиты, объем критериев сужается, и категория «национальности» в этом случае не применяется тем же образом, что в международном частном праве.

В странах общего права (*common law*) и в некоторых странах континентального права (Норвегия и Дания)[11] определение личного закона юридического лица производится критерием домициля. В прошлом термин «домициль» был общепринятым и широко использовался и в правовых системах континентальной Европы. В силу Кодекса Наполеона (1804 г.) в Европе стал использоваться термин «национальность»[12], что в юридической науке и практике нашло свое применение, в том числе в отношении юридических лиц.

В английском праве изначально использовалась концепция домициля по отношению к физическим лицам, но после продолжительного

---

[9] Богуславский М.М. Международное частное право. М., 2006. С. 149.

[10] Там же. С. 149–152.

[11] McLean D. Morris: Conflict of Laws. 5 ed. London, 2000. P. 45.

[12] Dicey and Morris on the Conflict of Laws / ed. Collins L. 13 ed. London, 2000. Vol. 1. p. 152; McLean D. Указ. соч. p. 43.

развития в настоящее время концепция домициля применяется в отношении юридических лиц лишь условно. Корпорация не рождается, не выходит замуж, не может иметь детей, но она может быть инкорпорирована, может подвергаться слиянию и поглощению, может иметь дочерние компании и представительства[13]. Следовательно, большинство вопросов по поводу определения домициля физического лица не возникает в отношении корпораций.

Определение домициля в теории и практике международного частного права различается в связи с целями такого определения. Так, обычно под домицилем понимается критерий, по которому определяется личный закон юридического лица. С другой стороны, для целей определения юрисдикции судов применяется совсем иной объем понятия домициля юридического лица – шире, чем категория домициля, устанавливающая личный закон юридического лица. Если для определения *lex societatis* домициль устанавливает всего лишь одно право, то при определении юрисдикции судов более чем одно. Законодатель обычно подчеркивает, что такая трактовка применима только для целей определения юрисдикции судов. Так, например, в английском праве юридическое лицо имеет свой домициль в стране инкорпорации, кроме целей, определенных по Закону «О гражданской юрисдикции и судебных решений» *(UK Civil Jurisdiction and Judgments Act)*[14]. Такой же подход используется в американском праве.

Определение понятия домициля в целях установления юрисдикции судов широко применяется и в праве ЕС. В этой связи целесообразно вспомнить о Регламенте ЕС 44/2001 «по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров». В нем определяется, что в любом случае к лицам, имеющим домициль в государстве – члене ЕС, независимо от их национальности иск подается в этой стране[15]. В статье 60 Регламента, признается, что домицилем юридического лица считается:

• местопребывание, приписанное уставом (*statutory seat*)[16], или

---

[13] McLean D. Op. cit. P. 43.

[14] Article 42 (1). UK Civil Jurisdiction and Judgment Act of 1982.

[15] Article 2. Council Regulation № 44/2001, 22 December 2002, on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters // Official Journal of the European Communities. 2001.

[16] В Регламенте далее поясняется, что в случае Британии и Ирландии «местопребыванием, приписанным уставом» считается зарегистрированный офис; если не имеется такого офиса, таким местом считается место, по праву которого было совершено

• административный центр, или

• основное место хозяйственной деятельности[17].

В этой связи нужно отметить, что трактовка понятия домициля в Регламенте ЕС 44/2001 дается только для целей регулирования отношений, предусмотренных Регламентом, т.е. для определения *lex societatis* такая трактовка домициля не может применяться.

В рамках Регламента ЕС 44/2001 «местопребывание, приписанное уставом» трактуется двумя способами. С одной стороны, на основе французской модели *siège social* оно рассматривается в свете теории «реального местопребывания» компании, т.е. где она действительно находится, с учетом, разумеется, закрепления этого места в учредительных документах компании. С другой стороны, «местопребывание, приписанное уставом» трактуется с точки зрения теории инкорпорации, и соответственно здесь имеет значение регистрация компании, которая закрепляется в уставе[18].

Заметим, что в странах общего права часто понятия «домициль» и «национальность» юридического лица, как правило, разграничиваются. Так, например, в австралийском международном частном праве «национальность» иностранных компаний рассматривается только с целью присвоения им «враждебного статуса» во время войны[19]. Более того, в литературе по международному частному праву стран общего права существует мнение, что понятие «национальность» редко представляется релевантным для международного частного права[20], и она в любом случае определяется по месту инкорпорации юридического лица для определенных целей международного публичного

формирование юридического лица. См.: Article 60 (2). Council Regulation № 44/2001 of 22 December 2002 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters // Official Journal of the European Communities. 2001.

[17] Article 60 (1). Council Regulation № 44/2001 of 22 December 2002 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters // Official Journal of the European Communities. 2001.

[18] См.: Hartley T.C. The Modern Approach to Private International Law. International Litigation and Transactions from Common-Law Perspective. General Course on Private International Law // Recueil Des Cours. Collected Courses of The Hague Academy of International Law. Leiden, Boston, 2006. T. 319. p. 78.

[19] См.: Sykes E.I., Pryles M.C. Australian Private International Law. 3 ed. North Ryde, 1991. p. 397.

[20] См.: Collier J.G. Conflict of Laws. 3 ed. Cambridge University Press, 2001. p. 59; Agrawal K.B., Gupta N. India. p. 74. // International Encyclopedia of law. International private law. The Netherlands, 2001. Vol. 1.

права[21]. Такой подход, с нашей точки зрения, обусловливается тем, что в странах общего права при определении *lex societatis* вместо понятия «национальность» применяется критерий домициля, что и определяет личный закон юридического лица. Следовательно, понятие национальности в отношении юридических лиц в международном частном праве этих стран не нашло широкого применения, и оно в таком случае понимается исключительно в свете национального и международного публичного права. В этой связи отметим, что ведущие правоведы английского международного частного права Чешир и Норт (*G. C. Cheshire, P. M. North*) наряду с домицилем рассматривают и национальность компании, показывая, что в соответствии с английским правом национальность компании определяется по праву страны инкорпорации[22], а в большинстве правовых систем континентальной Европы – по праву страны местонахождения административного центра[23]. Понятно, что здесь национальность рассматривается под углом зрения международного частного права.

Термин «национальность» по отношению к юридическим лицам как способ определения личного закона редко можно встретить в национальном законодательстве государств[24]. Со временем развитие международного частного права потребовало изменения концепции, по которой личный закон юридического лица определяется по его национальности. В настоящее время при определении личного закона юридического лица непосредственно подчеркиваются критерии его определения, которые ранее использовались при определении национальности. В аспекте международного частного права понятия личного закона юридического лица (*lex societatis*) и национальности тождественны. Таким образом, использование термина «национальность» в отношении юридических лиц в законодательстве большинства государств считается устарелым[25]. Ныне в законодательстве многих

---

[21] Collier J.G. Op. cit. P.. 59; North P.M., Fawcett J.J. Cheshire and North's Private International Law. 12 ed. London, Dublin, Edinburgh, 1992. p. 175.

[22] Чешир и Норт в этой связи ссылаются на ранние дела *Janson v. Driefontein Consolidates Mines Ltd.* [1902] и *Jewish Colonization Association* [1901].

[23] North P.M., Fawcett J.J. Op. cit. P. 175.

[24] См.: Article L222-9, L223-30, L225-97 Code de Commerce. France. Version consolidée au 7 janvier 2008; Article 4 of Decree-Law n 4. Tunis. Issued in 30/6/1961 modified par law n 84 in 11/8/1985.

[25] Rammeloo S. Corporation in Private International law. A European perspective. New York: Oxford University Press, 2001. P. 28.

государств при определении *lex societatis* подчеркиваются такие понятия, как личный закон, применимое право юридического лица, домициль и т.д. По мнению автора, в международном частном праве всячески нужно избегать применения термина «национальность» в отношении юридических лиц, так как такое применение создает терминологическую путаницу в природе термина «национальность» и требует дополнительного разъяснения целей и объема такого применения в рамках международного частного права.

В международном частном праве при определении личного закона юридического лица (*lex societatis*) используются несколько критериев. В частности, обычно называются два: теория инкорпорации и «реального местопребывания».

Суть теории инкорпорации состоит в том, что личным законом юридического лица признается право той страны, где учреждено юридическое лицо, независимо от местонахождения его административного центра. Обычно такое место инкорпорации устанавливается в уставе компании и подтверждается государственной регистрацией в данной стране. Теория инкорпорации (*lex incorporationis*) применяется в США, Британии, России, Нидерландах, Швейцарии[26], большинстве стран СНГ (кроме Грузии), странах Южноамериканского континента и других государствах.

Заметим, что довольно часто подчеркивается ключевой недостаток теории инкорпорации[27]. При применении такой теории учредители могут извлечь пользу от регистрации компании в тех странах, где существует наиболее благоприятный режим для инкорпорации юридического лица, а осуществлять деятельность в другой стране – реальной стране деятельности. Так, даже на внутригосударственном уровне такой феномен бытует в США относительно штата Делавэр, где существуют наиболее благоприятные и динамичные законы для инкорпорации компаний. Следовательно, учредители регистрируют компанию в штате Делавэр, но осуществляют коммерческую деятельность совсем в другом штате. В итоге 60 % из 500 крупнейших компаний США инкорпорировано в штате Делавэр[28].

---

[26] В Нидерландах и Швейцарии теория инкорпорации применятся вместе с теорией «реального местопребывания».

[27] Looijestijn-Clearie A. Have the dikes collapsed? Inspire Art a further breakthrough in the freedom of establishment of companies? // European Business Organization Law Review. The Hague: TMC Asser Press, 2004. Vol. 5. P. 396.

[28] Eidenmüller H. Free Choice in International Corporate Law: European and German Corporate law in European Competition between Corporate Law Systems. // An Economic

Теория «реального местопребывания» сформировалась приблизительно к середине XIX века[29]. Под воздействием практики часто подчеркивается, что она определяет право, которое имеет самое тесное отношение к корпорации[30]. Суть этой теории сводится к тому, что *lex societatis* обычно определяется по местонахождению его административного центра, где постоянно и ежедневно принимаются решения совета директоров и производится управление компанией. До последнего времени она широко применялась в Германии, Франции, Италии, Австрии, Бельгии и т.д. Но дела *Centros*[31], *Überseering*[32] и *Inspire Art*[33] Европейского суда показали, что она противоречит статьям 43 и 48 (ранее 52 и 58) Договора Европейского сообщества (ЕС). По сути дела Европейский суд указал, что когда компания имеет свой зарегистрированный офис в одном государстве ЕС и перемещает свой административный центр в другое государство ЕС, правосубъектность и способность возбуждать иск этой компании должны определяться по праву страны инкорпорации. В настоящее время в рамках ЕС ведется активная работа по направлению гармонизации национальных законодательств государств – членов ЕС в данной области. С нашей точки зрения, это логически приведет к применению коллизионной привязки *lex incorporationis* в том или ином проявлении.

Теория «реального местопребывания» юридического лица в некотором смысле применяется принудительным способом, в том смысле, что обязывает корпорацию и ее учредителей считаться с таким условием, что ключевое значение будет иметь местонахождение ее административного центра. Напротив, теория инкорпорации носит диспозитивный характер и дает учредителям корпорации возможность выбрать место регистрации компании[34].

Немецкое Гражданское Уложение (1896 г.)[35] определяет понятие местопребывания юридического лица (*sitz*) с точки зрения места, где

Analysis of Private international law / ed . Basedow J., Kono T. Tübingen, 2006. P. 188.

[29] Rammeloo S. Op. cit. P. 11.

[30] Ebke W.F. The “Real Seat” Doctrine in the Conflict of Corporate Laws // International Lawyer. 2001. p. 1015. // Westlaw.

[31] Case C-212/97. European Court of Justice.

[32] Case C-208/00. European Court of Justice.

[33] Case C-167/01. European Court of Justice.

[34] Ebke W.F. The European Conflict-of-Corporate-laws Revolution: Überseering, Inspire Art and Beyond // European Business Law Review. 2005. Vol. 16. No. 1. P. 15.

[35] Последняя поправка осуществлялась: Article 2 (16) of the statute of 19 February 2007 // Federal Law Gazette [Bundesgesetzblatt] I P. 122.

осуществляется его управление[36]. Однако немецкий Гражданский кодекс не указывает, что такое местопребывание юридического лица рассматривается как критерий для определения *lex societatis.* Теория «реального местопребывания» как определяющий фактор для *lex societatis* закреплена в практике немецких судов[37] и с 1904 года применяется в Германии как критерий определения личного закона юридического лица[38]. Немецкий законодатель не регулирует определение *lex societatis* на законодательном уровне, поскольку, как отмечалось ранее, в ЕС ведется активная работа по поводу гармонизации национальных прав государств – членов ЕС[39].

При определении личного закона юридического лица немецкие суды руководствуются не только местонахождением его управления, но также учитывают контроль, что часто сводится к национальности физических лиц, которые владеют компанией. Более того, Германия придерживается теории «реального местопребывания» в более узком ее понимании[40], т.е. если компания инкорпорирована в другой стране и перемещает свой административный центр в Германию, то она не будет признана в Германии до тех пор, пока не ликвидирует компанию в стране инкорпорации и заново не зарегистрирует ее в Германии. С другой стороны, если юридическое лицо перемещает свой административный центр из Германии, то по правилам немецкого международного частного права оно теряет свою правосубъектность в Германии. Скажем, если юридическое лицо перемещает свой административный центр из Германии в Россию, то, соответственно, у немецкого суда есть два решения этого вопроса[41]: применять материальное российское право без международного частного права или применять право России вместе с ее международным частным правом. В первом случае правосубъектность такого юридического лица не будет признана в Германии, так как российское право требует обязательной регистрации

[36] Article 24. German Civil Code of 18 August 1896 in the version promulgated on 2 January 2002 // Federal Law Gazette [Bundesgesetzblatt] I P. 42, 2909, 2003 I. P. 738.

[37] Para 11. Opinion of Advocate General Ruiz-Jarabo Colomer. Delivered on 4 December 2001 (1). Case C-208/00. Überseering BV v. Nordic Construction Company Baumanagement GmbH (NCC). European Court of Justice.

[38] Ebke W.F. Op. cit. 2001. P. 1019.

[39] Ibid. P. 1017.

[40] Looijestijn-Clearie A. Op. cit. P. 394.

[41] Wulf-Henning Roth From Centros to Überseering: Free Movement of Companies, Private international law, and Community law // International and Comparative Law Quarterly. London, 2003. Vol. 53. Part 1. P. 184.

юридических лиц, что у данной компании отсутствует. Во втором случае при применении норм российского международного частого права будет сделана отсылка к немецкому праву (страны инкорпорации), что и будет применяться, так как юридическое лицо учреждено именно там. Соответственно будет применяться только немецкое материальное право, так как по немецкому праву, если иностранное право отсылает к немецкому праву, то в таком случае применяются материально-правовые нормы[42], а по немецкому материальному праву существование такой компании будет признанно, так как она учреждена именно там. Однако немецкие суды применяют первый подход решения вопросов отсылки[43], и соответственно правосубъектность такой компании больше не будет признана в Германии. Именно это обстоятельство удерживает юридические лица от перемещения своих административных центров, если они учреждены в государстве, придерживающемся теории «реального местопребывания».

Но в теории и практике международного частного права рассматривается и третий подход определения личного закона юридического лица. Это основное место деятельности. Суть данного подхода заключается в том, что личный закон юридического лица будет определяться по праву той страны, где оно имеет ключевое место своей деятельности. Отметим, что теория основного места деятельности как способ определения *lex societatis* считается дополняющим критерием в отдельных странах и обычно не применяется в качестве основного критерия. В качестве примера можно привести индийское и итальянское международное частное право. Так, в рамках итальянского международного частного права применяется одновременно три теории при определении личного закона юридического лица. Статья 25 итальянского закона «О международном частном праве» устанавливает, что в отношении коммерческой организации, товарищества, ассоциации, фонда и других учреждений государственного или частного характера применяется право страны, где было завершено их формирование. Далее итальянский закон конкретизирует, что закон страны формирования будет применяться даже в том случае, когда такие учреждения

---

[42] См.: официальный сайт Европейского судебного сообщества по гражданскими и коммерческим вопросам (European Judicial Network in civil and commercial matters), действующего в рамках Комиссии ЕС. http://ec.europa.eu/civiljustice/ (последнее посещение – 20 марта 2008 г.).

[43] Garcia-Riestra M. The Transfer of Seat of European Company v. Free establishment caselaw // European Business Law Review. London, 2004. Vol. 5, Issue 6. P. 1297.

не обладают признаками юридического лица. Одновременно в соответствии с итальянским законом право страны формирования будет применяться во всех случаях, кроме тех, когда местопребывание главного центра или его основной деятельности находится в Италии. В последнем случае будет применяться итальянское право[44]. Интересно, что итальянский закон применяет теорию «реального местопребывания» и основного места деятельности только в тех случаях, когда речь идет о юридических лицах, имеющих такое присутствие только в Италии, а в отношении других компаний применяется критерий инкорпорации.

В международном частном праве Индии определение личного закона юридического лица производится по его домицилю, который в свою очередь определяется по праву той страны, где корпорация была создана, – страны инкорпорации[45]. Индийская судебная практика устанавливает, что личный закон определяет ликвидацию, разделение и слияние корпорации, а компания, которая была создана в соответствии с индийским законом «О компаниях» (*Indian Companies Act*) от 1956 года, будет иметь домициль в Индии[46].

Данный закон «О компаниях» определяет иностранное юридическое лицо как компанию, которая инкорпорирована за пределами Индии, но имеет место коммерческой деятельности в Индии[47]. Закон предусматривает очень интересное положение, в соответствии с которым иностранная компания, учрежденная за пределами Индии и имеющая не менее 50 % своего уставного капитала и место коммерческой деятельности в Индии, находится во владении одного или нескольких граждан Индии или одной или нескольких компаний, инкорпорированных в Индии, должна соблюдать положения закона, как будто она была инкорпорирована в Индии[48]. Очевидно, помимо применения правила *lex incorporationis*, индийское право имеет также некую склонность к применению теории основного места коммерческой деятельности и «реального местопребывания». Заметим, что когда речь идет о собственниках компании, которыми являются граждане Индии, их постоянное место жительство совсем не учитывается.

---

[44] Article 25. Law of 31 May 1995, № 218. // Montanari A., Narcisi V.A. Conflict of Law in Italy. The Hague, London, Boston, 1997. P. 37.

[45] Agrawal K.B., Gupta N. Op. cit. P. 74.

[46] Ibid. p. 124.

[47] См.: Section 591 (1). Indian Companies Act of 1956.

[48] См.: Section 591 (2). Indian Companies Act of 1956.

В прошлом, а также в некоторых исключениях сегодня, при определении национальности юридического лица применялась теория контроля. Во многом она нашла свое место во время Первой мировой войны, когда необходимо было устанавливать национальную принадлежность акционеров компании в целях ограничения ее хозяйственной деятельности или конфискации имущества. Теория контроля обычно не применяется как подход для определения личного закона юридического лица с точки зрения международного частного права, посредством этого механизма осуществляется своеобразное «проникновение под корпоративную вуаль» (*piercing the corporate veil*) юридического лица и определяется лишь государственная принадлежность его акционеров в целях обозначения «национальных» и «враждебных» юридических и физических лиц. Национальность в этом контексте обычно понималась как гражданство для физических лиц и контроль для юридических лиц. В таком случае «проникновение под корпоративную вуаль» осуществляется до выявления национальности окончательных собственников. Так, если контрольным пакетом акций юридического лица (А) владеет юридическое лицо (Б), акции которого в свою очередь принадлежат «враждебному» юридическому лицу (Г), то суд при «проникновении под корпоративную вуаль» компании (А), также будет «проникать под корпоративную вуаль» компании (Б) для выявления реальной «национальности» собственников. Примером вышесказанного является дело *Silesian American Corp. v. Clark*[49], где американский суд сначала «проник под корпоративную вуаль» дочерней американской компании, а далее «под корпоративную вуаль» швейцарской головной компании, так как оказалось, что собственником последней является немецкая корпорация, т.е. враждебное юридическое лицо.

Судьба «враждебных» компаний обычно складывалась таким образом, что они просто подвергались национализации. Такие дела имели место в тридцатые годы прошлого века в практике французских судов, когда компании были зарегистрированы во Франции, но контролировались американцами[50]. Эти примеры также можно найти в практике американских судов. Так, в деле *Kaufman v. Société Internationale Pour*

---

[49] Silesian American Corp. v. Clark, 332 U. S. 469, 68 S. Ct. 179, 92 L. Ed. 81 [1947].

[50] См.: Delaume G.R. American-French Private International Law. 2 ed. New York, 1961. P. 32.

Participations Industrialles Et Commerciales S. A.[51] американский суд установил наличие «враждебных» акционеров и принял решение национализировать их капитал, при этом защищая права невраждебных акционеров. Такое же решение было принято в деле *Uebersee Finanz-Korporation A.G. v. McGrath*[52].

В этой связи вспомним известное дело британского суда *Continental Tyre and Rubber Company (Great Britain) Ltd. v. Daimler Company Ltd.*[53]. Судебное разбирательство началось еще в 1915 году, когда истец, английская дочерняя компания немецкой корпорации, возбудил иск против немецкой корпорации «Даймлер». Вопрос заключался в том, что ответчик нарушил договор и отказался уплатить за поставленный товар, аргументируя это тем, что дочерняя компания немецкой головной компании считается «враждебным» юридическим лицом и не имеет возможности получать уплату и, следовательно, уплата должна быть признана неправомерной. Английский суд в своем решении постановил, что компания не изменила свои характеристики английского юридического лица в связи с тем, что с началом войны все акционеры и директора компании стали «враждебными»; когда компания учреждена в соответствии с английским правом, то она является английской корпорацией, независимо от того, что акционеры принадлежат «враждебной стране»[54]. Далее дело было продолжено в 1916 году[55], и истцом являлась уже компания «Даймлер». Ответчик утверждал, что истец должен считаться «враждебной компанией» и лишиться возможности судиться в английском суде. Впоследствии судом было установлено, что истец должен получить разрешение на защиту своего иска, так как факты дела требуют разъяснения природы контроля и управления компании.

Теория контроля рассматривалась также в практике Международного суда ООН в деле *Interhandel* от 1957 года[56]. Дело было

---

[51] Kaufman v. Société Internationale Pour Participations Industrialles Et Commerciales S. A., 343 U.S. 156, 72 S. Ct. 611, 96 L. Ed. 853 [1952].

[52] Uebersee Finanz-Korporation A.G. v. McGrath, 343 U. S. 205, 72 S. Ct. 618, 96 L. Ed. 888 [1952].

[53] Continental Tyre and Rubber Company (Great Britain) Ltd. v. Daimler Company Ltd., 1 K.B. 893 [1915].

[54] См.: British International Law Cases. British Institute Studies in International and Comparative Law. London, New York, 1966. Vol. 4. P. 696–710.

[55] Daimler Company Ltd. v. Continental Tyre and Rubber Company (Great Britain) Ltd., 2 A.C. 307 [1916].

[56] Решение Международного суда ООН было вынесено 21 марта 1959 г.

инициировано Швейцарией против США по вопросу национализации компании «Интерхандел». Факты дела были следующими: в 1942 году правительство США в соответствии с законом «О торговле с вражескими государствами» (*Trading with the Enemy Act*) использовало почти все акции корпорации «Дженерал Анилайн энд Фильм Корпорэйшн», зарегистрированной на территории США, на основе того, что эти акции в действительности принадлежали немецкой компании «Фарбен», или того, что корпорация «Дженерал Анилайн энд Фильм Корпорэйшн» тем или иным образом контролировалась компанией вражеского государства. До 1940 года компания «Фарбен» действительно контролировала корпорацию «Дженерал Анилайн энд Фильм Корпорэйшн» через швейцарскую компанию «Шеми», однако, по утверждению правительства Швейцарии, связи между компаниями Германии и Швейцарии были окончательно разорваны в 1940 году и швейцарская компания «Шеми» стала именоваться «Интерхандел». В ходе предварительного слушания дела Международный суд посчитал, что заявление не может быть принято, так как Суд не располагает юрисдикцией на основе того, что швейцарская компания не использовала все местные средства правовой защиты[57].

В этой связи констатируем, что развитие теории контроля нашло свое место в законодательстве некоторых стран Европы. Именно эта теория стала основой для формирования французской теории реального местопребывания (*siège social*)[58], которая до последнего времени являлась основным подходом для определения личного закона юридического лица во французском международном частном праве.

В доктрине международного частного права часто подчеркивается, что юридическое лицо может иметь только одну национальность или домициль[59], что только одно право может определять его правовой статус, образование, ликвидацию и т.д. Но в настоящее время господства транснациональных корпораций доктрина одной национальности юридического лица не решает все вопросы, стоящие перед международным частным правом. Так, еще в 1959 году известный американский правовед Р. Лефлар высказал идею о «множественной инкорпорации»

---

[57] См.: на официальном сайте Международного суда ООН. <http://www.icj-cij.org> (последнее посещение 15 марта 2008 г.).

[58] См.: Delaume G.R. Op. cit. P. 32.

[59] Dicey and Morris on the Conflict of Laws / ed. Collins L. 13 ed. London, 2000. Vol. 2. P. 1102; Anton A.E., Beaumont P.R. Private International law: A treatise from the standpoint of Scots law. Edinburgh, 1990. P. 703.

(*multiple incorporation*). Он подчеркивал, что хотя доктрина и признает, что ни одно юридическое лицо не может иметь два домициля, но все же «если корпорация смогла добиться подлинной «множественной инкорпорации», то с точки зрения традиционного корпоративного понятия она неизбежно будет иметь домициль в каждом из этих мест»[60]. Р. Лефлар обосновывает свою точку зрения следующим аргументом: «Не существует ни одной серьезной причины, по которой корпорации не могут быть учреждены одновременно в соответствии с правом двух или более стран; ведь любая вариация единого существования совета акционеров, директоров, сотрудников и коммерческих целей будет означать наличие отдельной и самостоятельной корпорации»[61]. Конечно, трудно согласиться с концепцией «множественной инкорпорации», так как в современном экономическом мире такое явление пока еще невозможно. В случае если юридическое лицо перемещает свой зарегистрированный офис в другую страну, оно должно ликвидироваться в стране изначального учреждения. Единственная возможность такой «множественной инкорпорации» представится тогда, когда и страна изначального учреждения, и принимающая страна договорятся об этом. Автору такие примеры не известны.

Помимо личного закона юридического лица в юридической литературе используется также другая категория, отличная от первой, – понятие резидента и нерезидента. Часто в странах общего права рассматривается также понятие «коммерческого домициля», что трактуется в свете резиденции юридического лица[62]. Вопрос, рассматривается ли компания резидентом или нерезидентом в данной юрисдикции, обычно не является ключевой проблемой для международного частного права. Во многом резиденция корпорации определяется для налоговых целей, и этот институт по большей части рассматривается в национальном и международном публичном праве. Однако понятие резиденции также применятся в законодательстве и практике отдельных государства при определении юрисдикции судов (например, в Индии).

Отметим, что резиденция юридического лица обычно определяется по местонахождению административного центра и контроля

---

[60] Leflar R.A. American Conflicts of law. New York, 1959. P. 27.

[61] Ibid. P. 617–618.

[62] Sychold M. Australia. p. 51. // International Encyclopedia of law. International private law. The Netherlands, 2001. Vol. 1.

компании[63]. Именно в этом ключе отдельно нужно подчеркивать взаимосвязь и разграничение личного закона и резиденции. Так, если личный закон юридического лица определяет его правовой статус, объем его прав и обязанностей, создание и ликвидацию и прочие вопросы, то резиденция определяет его реальное присутствие в данной стране для фискальных и налоговых целей.

Таким образом, определение национальности или домициля юридического лица нужно рассматривать, исходя из целей такого определения. Имеется существенное различие в определении национальности, с одной стороны, в рамках международного частного права и, с другой – национального и международного публичного права. В свете международного публичного права национальность юридического лица обычно определяется по праву страны инкорпорации. Данное определение было установлено Судом ООН в деле *Barcelona Traction, Light and Power Company Limited* между Бельгией и Испанией, которое началось еще в 1958 году. В 1961 году правительство Бельгии отказалось от своего первого иска в связи с переговорами с представителями частных заинтересованных лиц. В 1962 году Бельгия снова предъявила иск против Испании в связи с рассмотрением дела о банкротстве компании Barcelona Traction, Light and Power Co. Ltd., которая была зарегистрирована в Канаде, но осуществляла свою деятельность в Испании. Дело в том, что в результате банкротства пострадали бельгийские акционеры и соответственно правительство Бельгии потребовало возмещение ущерба за причиненный вред. Суд постановил, что Бельгия не обладает *jus standi* оказывать дипломатическую защиту акционерам канадской компании[64]. После этого дела считалось, что в международном публичном праве национальность юридического лица определяется по праву государства, где инкорпорировано юридическое лицо. Однако нужно подчеркнуть, что правило инкорпорации не являлось и не является сейчас обычаем международного права[65]. В этой связи отметим, что Комиссия международного права ООН (*International Law Commission*) в своем докладе по дипломатической защите подчеркивает, что в целях дипломатической защиты

---

[63] Anton A.E., Beaumont P.R. Op. cit. P. 703; Collier J.G. Op. cit. P. 58.

[64] См.: на официальном сайте Международного суда ООН. http://www.icj-cij.org (последнее посещение 15 марта 2008 г.).

[65] Lee L.J. Barcelona Traction in the 21st century: Revisiting its customary and policy underpinnings 35 years later // Stanford Journal of International Law. Summer 2006. P. 237. // Westlaw.

корпорации государство национальности трактуется как государство, на основе законов которого корпорация была инкорпорирована. Однако когда корпорация контролируется гражданами другого государства (А) или государств, не осуществляет существенную хозяйственную деятельность в государстве инкорпорации, а местопребывание органов управления и финансового контроля корпорации находится в другом государстве (А), это государство (А) должно считаться государством национальности[66].

Суммируя вышеизложенное, целесообразно сделать следующие выводы. Во-первых, личный закон, личный статус и *lex societatis* являются тождественными понятиями. Во-вторых, термины «национальность» и «государственная принадлежность» юридического лица эквивалентны. В-третьих, понятия «национальность» и «личный закон» в практике современного международного частного права также отождествляются. Однако в последнее время термин «национальность» юридических лиц вполне оправданно применяется все реже и считается устарелым. В-четвертых, определения национальности юридических лиц в международном частном праве и международном публичном праве различаются. Категория национальности юридических лиц в международном публичном праве имеет особый смысл и применяется прежде всего в целях определения государства, уполномоченного предоставлять дипломатическую защиту юридическому лицу. В-пятых, понятие домициля применяется в целях определения *lex societatis* и юрисдикции судов. В последнем случае оно трактуется гораздо шире. В-шестых, в международном частном праве следует всячески избегать использования термина «национальность» в отношении юридических лиц. Вместо этого предпочтительнее применять термин «личный закон юридического лица» (*personal law of company*) или *lex societatis.*

---

[66] Article 9. Report of the International Law Commission. Fifty-eighth session (1 May-9 June and 3 July-11 August 2006). General Assembly Official Records Sixty-first session Supplement No. 10 (A/61/10).

Notion of Personal Statute of Legal Person (lex societatis) and Criterions of its Determination
(Summary)

Mushegh A. Manukyan[*]

In the literature on private international law, there are certain terms, which characterize the legal connection between legal persons and a state. On the base of interdisciplinary method, the article firstly analyzes the notions lex societatis, personal law, personal (corporate) statute, state belonging, nationality, domicile and residence of the company and reveals their legal nature and application in various jurisdictions. It is noted that in the contemporary times of legal developments in private international law, the notion "nationality" in relation to companies loses its practical value and becomes obsolete. It is mentioned about the belief of the author regarding inexpediency of application of the notion "nationality" in private international law.

The article, secondly, explores the main approaches of determination of personal law of the company: incorporation, real seat and main place of business. The advantages and disadvantages of incorporation and real seat theories were illustrated in light with the law and practice of various states. Furthermore, the theory of control is explored in light with the French, American and British case law and practice of International Court of Justice. The article gives an idea of recent cases of European Court of Justice and specifies that the real seat theory has been put aside in the EC after Centros, Überseering and Inspire Art.

[*] Mushegh A. Manukyan – post-graduate student of the Chair of Civil law and process, Russian State Social University.